Н. Л. Дмитриева
ORCID: 0000-003-1925-3721
✉ *ninalvovna@mail.ru*
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

«Переселение душ из иностранных языков в русский»: русская переводческая практика первой четверти XIX в.

Рецензия на: Из истории русской переводной художественной литературы первой четверти XIX века: Сб. ст. и материалов / [Редкол.: В. Е. Багно и др.]. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 456 с.

Для цитирования: *Дмитриева Н. Л.* «Переселение душ из иностранных языков в русский»: русская переводческая практика первой четверти XIX в. // Шаги/ Steps. Т. 6. № 3. 2020. С. 331–337. DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-331-337.

Рецензия поступила в редакцию 18 марта 2020 г.
Принято к печати 30 марта 2020 г.

N. L. Dmitrieva
ORCID: 0000-003-1925-3721
✉ *ninalvovna@mail.ru*
Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences (Russia, St. Petersburg)

"Migration of souls from foreign languages into Russian": Russian translation practices in the first quarter of the 19th century

A review of: Bagno, V. E. et al. (Eds.) (2017). *Iz istorii russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury pervoi chetverti XIX veka: Sbornik statei i materialov* [From the history of Russian translated fiction in the first quarter of the 19th century: collection of articles and materials]. St. Petersburg: Nestor-Istoriia. 456 p. (In Russian).

© Н. Л. ДМИТРИЕВА = N. L. DMITRIEVA

To cite this review: Dmitrieva, N. L. (2020). "Migration of souls from foreign languages into Russian": Russian translation practices in the first quarter of the 19th century. *Shagi / Steps, 6*(3), 331–337. (In Russian). DOI: 10.22394/2412-9410-2020-6-3-331-337.

Received March 18, 2020
Accepted March 30, 2020

Рецензируемый сборник статей и материалов, подготовленный в Институте русской литературы (Пушкинском Доме) РАН, является продолжением издания [Левин 1995–1996]. Вершинные достижения русского переводческого искусства исследованы, описаны, в значительной степени осмыслены. Однако, как пишут авторы предисловия к сборнику — В. Е. Багно и М. Ю. Коренева, — все эти исследования, в основном ориентированные на устоявшийся ретроспективный «канон» мировой литературы, часто не отражают реальную картину приоритетов и пристрастий той или иной эпохи. Фронтальное изучение отдельных моментов в истории переводной литературы, особенностей рецепции в разные периоды произведений европейских авторов позволяет понять, как происходило движение от «жанрового мышления» XVIII в. к «стилевому мышлению» конца XVIII — начала XIX в., а от «стилевого» — к «индивидуально-авторскому». «Культурная синхронизация» отечественной словесности с европейской, поиски способов самоидентификации в контексте мировой литературы — все это формирует «культурную биографию» России. Перевод — неотъемлемая часть национальной литературы. Историческое развитие строится из частностей, и потому важны отдельные материалы, позволяющие выстроить общую картину. Во второй половине 1820-х — начале 1830-х годов появляются новые тенденции в развитии русского перевода, что связано, в частности, с новым подходом к переводческой работе П. А. Вяземского. В предисловии к своему переводу романа Б. Констана «Адольф» Вяземский объяснял, что стремится сохранить «формы» оригинала, наполнив их «запахом», «отзывом чужбины» в противоположность переводчику, который «напитавшись смыслом и духом подлинника, переливает их в свои формы». «Переводы независимые, то есть пересоздания, переселения душ из иностранных языков в русский, имели у нас уже примеры блестящие и разве только что достижимые; так переводили Карамзин и Жуковский» [Вяземский 1984: 128]. Конечно, далеко не всем удавалось создать «блестящие примеры», но переводчики первой четверти XIX в. с большим или меньшим успехом стремились передать дух подлинника средствами русского языка.

Статьи, составившие книгу, не представляют собой однородный материал: они разнятся и концептуально, и стилистически. Однако все они посвящены одной теме — переводу, восприятию иноязычной литературы русской словесностью. В конечном счете авторы решают одну задачу: представленные материалы — это фрагменты, из которых складывается картина эволюции переводческой практики в первой четверти XIX в.

Материалы сборника демонстрируют широкий языковой диапазон переводов: от интереса к польским авторам в Харьковском Императорском универ-

ситете (статья **К. Б. Егоровой**) до переводов «Ирландских мелодий» Т. Мура (статья **И. И. Буровой**). В первой четверти XIX в. французская словесность начинает понемногу уступать свои лидирующие позиции. Предметом статьи **К. С. Корконосенко** стал интерес русской печати указанного периода к испанской литературе. Автор, правда, отмечает, что наряду с романом Сервантеса «Дон Кихот» в этот период встречаются «случайные» объекты для перевода. При этом переводы делали с французских или немецких переводов-посредников, поэтические тексты чаще переводили прозой. Первый перевод того же «Дон Кихота» непосредственно с испанского был осуществлен лишь в 1832 г. В начале XIX в. роль французского как языка-посредника по-прежнему оставалась важной; вслед за ним эту роль успешно начал исполнять немецкий. При этом и немецкий язык, и немецкая литература понемногу теснят французские язык и литературу, и это касается не только художественных произведений. Русская философская мысль, обращавшаяся в XVIII в. к сочинениям Вольтера, Фенелона, Монтескье, в начале XIX столетия обращается к немецкой философии. Россия — первая страна, в которой берутся переводить Канта. В 1820-е годы помимо увлечения Кантом становится заметным интерес к Шеллингу, Фихте (этому посвящена статья **Г. А. Тиме** «О переводах философских сочинений в России в 1801–1825 гг.»). Об интересе к немецкой литературе пишет **Р. Ю. Данилевский**. Он обращается к публикациям журнала «Вестник Европы», редакторы которого — Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, В. В. Измайлов, М. Т. Каченовский — «могут считаться основоположниками русской журналистики, ориентированной не просто на информацию, но на художественные связи между Россией и миром» (с. 43). В статье анализируются публикации за период с 1802 по 1830 г., касающиеся германистики; материал представлен с точки зрения читательского интереса в определенные периоды. Как показывает автор, германистика в «Вестнике Европы» не занимала господствующего положения, но немецкая литература, немецкая эстетическая мысль сыграли свою важную роль в русской рецепции, особенно в романтическую эпоху.

Читательские пристрастия в значительной степени мотивируют выбор материала для переводов. Литераторы, в свою очередь, пытаются направлять интерес читателей, но это не всегда удается, во всяком случае не распространяется на широкую аудиторию. **Г. В. Стадников** в статье, посвященной прозе Гёте, отмечает, что Гёте в России — это в первую очередь автор «Вертера». В 1825 г. Н. А. Полевой на страницах «Московского телеграфа» призывал переводчиков обратиться к «Запискам» Гёте: «…положение германской словесности, описываемое Гёте, имеет какое-то разительное сходство с настоящим положением нашей литературы» («Московский телеграф». 1825. Ч. 2. № 5. С. 4). Тогда же в «Сыне Отечества» был опубликован отрывок из «Поэзии и правды» (автор статьи предполагает, что это мог быть ответ Булгарина и Греча их оппоненту Полевому). Однако за первые тридцать лет XIX в. на русском языке появились только отдельные фрагменты из прозы Гёте (единственное заметное явление — перевод Н. М. Рожалина все тех же «Страданий Вертера»). В России Гёте-прозаик остался автором одного романа. Куда более популярным оказался другой немецкий литератор — Август фон Коцебу. **Е. Е. Дмитриева** приводит внушительный список русских переводов его ко-

медий и драм и разбирает феномен Коцебу, которого любили и одновременно ругали, даже презирали. Любопытна противоречивая позиция Гёте, который называл сочинения Коцебу «гнусным вздором», но признавал наличие у него «превосходного», хотя и «неглубокого таланта» (с. 194). Но особой популярностью Коцебу пользовался не у себя на родине, а именно в России: «…в первые десятилетия XIX в. Коцебу устойчиво входит в обойму тех драматургов, которые определяют новое эстетическое сознание эпохи» (с. 196). Творчеством Коцебу увлекались Карамзин, Андрей Тургенев, Жуковский, юные Пушкин и Гоголь и мн. др. Читали Коцебу и в царской семье. Конечно, имело место и скептическое отношение к его сочинениям. Восприятие его пьес как образцов дурного вкуса становится очевидным в 1820-е годы: имя Коцебу делается «метафорой дурного тона» (с. 203). В связи с особенностями переводческой практики эпохи Е. Е. Дмитриева задается вопросом: а знал ли русский читатель / зритель не просто сентиментально настроенного автора, но автора остроумного, умеющего искусно переключать регистры чувствительного в своих творениях? (Тогда закономерен и такой вопрос: почему Коцебу был популярнее в России, чем в Германии, чего требовал вкус российской публики?)

Вообще вопрос о том, какого автора переводчик представляет своим читателям — отнюдь не праздный. Статья **А. Ю. Миролюбовой** посвящена ранней русской рецепции Франческо Петрарки. При том, что Италия (в области изобразительного искусства, театра и архитектуры) была близка и знакома русскому обществу, итальянская литература к началу XIX в. не занимала видного места, и русское общество знакомится с ней опосредованно — через французские и немецкие переводы, через трактаты П.-Л. Женгене и Сисмонди. Сравнение двух переводов из «Канцоньере» Петрарки (выполненных Державиным и Батюшковым) демонстрирует два возможных подхода: один концептуальный, имеющий целью раскрытие смысла, другой представляет попытку передать поэтику итальянского языка. Но так или иначе к 1825 г. в русском восприятии сложился образ Петрарки и его поэзии, окрашенный в сентименталистские и романтические тона, на деле весьма далекий от подлинника. Петрарка в начале XIX в. «был прочитан как свой, вполне романтический поэт. ‹…› Петрарка попал в надуманную родословную романтиков “унылого” направления. ‹…› Русских поэтов того времени привлекали лишь некоторые мотивы, которые они, изъяв из общего художественного контекста, вычитали у Петрарки» [Томашевский 1984: 15].

Подобным образом преобладание сентиментального течения в русской литературе обусловило интерес к «Сентиментальному путешествию» Лоренса Стерна. **Н. А. Дроздов**, анализируя историю ранних переводов творчества Стерна, отмечает, что, хотя переводить его начали еще во второй половине XVIII в., в начале XIX в. количество переводов возрастает, а затем интерес к Стерну затихает. В 1824 г. в журнале «Благонамеренный» за подписью «В. К…ий» вышел перевод двух глав из первой части «Сентиментального путешествия». Этот, значительно превосходящий предыдущие перевод был, как пишет Дроздов, «сдвигом культурной парадигмы»: над размышлениями сентиментального толка возобладал юмористический сюжет. История переводов «Сентиментального путешествия» прервалась более чем на 40 лет: следующий перевод появится только в 1865 г.

О «своем», национальном восприятии «чужого» пишет **Е. В. Халтрин-Халтурина**. В практике перевода на русский язык Шекспира в первые десятилетия XIX в. имела место тенденция переводить отдельные фрагменты его сочинений. Эти фрагментарные переводы, как отмечает автор статьи, включены в общественно-политический дискурс эпохи. Таковыми были осуществленные И. М. Муравьевым-Апостолом переводы из «Макбета» и «Генриха V», которые он цитирует в 11-м «Письме из Москвы в Нижний Новгород» («Сын Отечества», 1814). Сравнение контекста употребления Муравьевым-Апостолом этих цитат с тем, как они использовались в британской риторике, позволяет автору утверждать, что «русское восприятие Шекспира развивалось по-своему» (с. 228). Впрочем, отдельно взятые элементы всегда можно использовать по своему усмотрению. Переводчик может смещать акценты по сравнению с оригинальным текстом. **Д. В. Токарев** анализирует два переведенных с французского романа, в которых часть действия происходит в Сибири. В романе Рошель де Бресси (Rochelle de Brécy) Сибирь — место ссылки главного героя; анонимный переводчик убирает такой «сибирский» эпитет, как «прибежище деспотизма и нужды», и Сибирь предстает перед читателем просто как географические понятие. Второй роман, о котором идет речь в статье, принадлежит перу М.-С. Коттен (той самой, которую читала Татьяна Ларина). В переводе ее текста Сибирь — не пространство «несвободы», а, как пишет Д. В. Токарев, «локус, позволяющий лучше отразить душевные качества героини» (с. 281). Это решение переводчиков было обусловлено цензурными соображениями.

Что движет литератором, берущимся переводить? Поводом может стать, например, литературная борьба. Подобная история изложена в статье **А. В. Волкова**, посвященной тому, как П. И. Голенищев-Кутузов — поэт-архаист, сторонник Шишкова и противник Карамзина — переводил древних и новых авторов. Одной из причин его обращения к творчеству античных классиков была борьба с карамзинской школой; так, в «Предуведомлении от переводчика» к «Творениям Пиндара» Голенищев-Кутузов пишет о «наводнении дурных сочинений и в стихах, и в прозе» (с. 129). Он полагал, что переводы из античных авторов важны для поддержания репутации национальной словесности, а существование разных переводов одного текста ценно как демонстрирующее своего рода соревнование между переводчиками. Для работы с античными текстами, по мнению Голенищева-Кутузова, можно использовать переводы на другие языки (французский, английский, немецкий); так, его перевод «Творений Пиндара» (1804) был выполнен с опорой на французский перевод Жена (P. L. C. Gin).

Помимо статей, посвященных деятельности отдельных авторов, в книге опубликованы новонайденные и неизданные рукописи переводов. Очень увлекательна почти детективная история, ставшая предметом публикации **А. О. Демина**. Речь идет об автографе Н. И. Гнедича из архива Г. Р. Державина в Рукописном отделе Российской национальной библиотеки, представляющем собой перевод рассказа Терамена из трагедии Ж. Расина «Федра». Рукопись интересна не только потому, что является автографом, не обратившим на себя внимание исследователей (в частности, Г. А. Гуковского, изучавшего архив Державина в Публичной библиотеке), но и потому, что текстуально она очень близка опубликованному в «Вестнике Европы» в 1810 г. переводу этого же

фрагмента «Федры» за подписью «А. П.», которую раскрывают как «Алексей Пушкин» (А. М. Пушкин, 1771–1825, переводчик Расина и Мольера). Очевидно, что речь идет о двух редакциях одного текста. Демин делает осторожное предположение, что рукопись первична по отношению к публикации в «Вестнике Европы». Историю автографа Гнедича он связывает с непростыми литературными отношениями Гнедича и Державина, хотя и признает, что загадка полностью не разгадана. Эта непростая коллизия проиллюстрирована сопоставлением двух редакций перевода; параллельно с публикуемым в рецензируемом издании текстом автографа помещен перевод из «Вестника Европы». Еще одна публикация А. О. Демина — переведенные на русский язык стихи Ламартина из архива Державина. Они условно датированы второй половиной 1820-х годов, что совпадает с модой на поэзию Ламартина. То, что автографы переводов находятся в архиве Державина, позволяет предположить, что автора следует искать среди петербургских архаистов. **П. Р. Заборов** публикует перевод одной из самых знаменитых трагедий Вольтера — «Заиры», осуществленный И. Е. Великопольским. Текст представлен по писарской копии 1820–1830-х годов, находящейся в Рукописном отделе Пушкинского Дома. Любопытная особенность переводческой манеры, отмеченная Заборовым, — словотворчество в «славенском духе», предпринятое для нарочитой архаизации языка, при этом некоторые изобретенные переводчиком слова могли быть не вполне понятны русскому читателю той эпохи.

В книге также опубликованы библиографии: «Немецкие материалы в “Вестнике Европы” (1802–1830)» (сост. **Р. Ю. Данилевский**), «Русские переводы Петрарки и упоминания о нем (середина VXIII — первая четверть XIX в.)» (сост. **А. Ю. Миролюбова**), «Переводы драматургии А. Коцебу в России (1792–1827)» (сост. **Е. Е. Дмитриева**), «Переводы английской литературы в России первой четверти XIX в.» (сост. **Н. А. Дроздов**), «Переводы испанской литературы в России первой четверти XIX в.» (сост. **К. С. Корконосенко**).

Источники

Вяземский 1984 — *Вяземский П. А*. От переводчика [предисловие к переводу романа Б. Констана «Адольф»] // Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1984. С. 122–129.

Литература

Левин 1995–1996 — История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век: [В 2 т.] / Отв. ред. Ю. И. Левин. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995–1996.

Томашевский 1984 — *Томашевский Н. Б.* Предисловие // Петрарка Ф. Сонеты, избранные канцоны, секстины, баллады, мадригалы, автобиографическая проза / Предисл. и примеч. Н. Б. Томашевского. М.: Правда, 1984. С. 5–19.

References

Levin, Iu. I. (Ed.) (1995–1996). *Istoriia russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury: Drevniaia Rus’. XVIII vek*: [History of Russian translated fiction: Ancient Russia. 18th century]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin. (In Russian).

Tomashevskii, N. B. (1984). Predislovie [Preface]. In F. Petrarka [= Petrarca]. *Sonety, izbrannye kantsony, sekstiny, ballady, madrigaly, avtobiograficheskaia proza* [Sonnets, selected canzones, sestinas, ballads, madrigals, autobiographical prose], 5–19. N. B. Tomashevskii (Preface, Notes). Moscow: Pravda. (In Russian).

* * *

Информация об авторе

Нина Львовна Дмитриева
кандидат филологических наук
старший научный сотрудник,
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
Тел.: +7 (812) 328-19-01
✉ *ninalvovna@mail.ru*

Information about the author

Nina L. Dmitrieva
Cand. Sci. (Philology)
Senior Researcher,
Institute of Russian Literature (Pushkinsky Dom), Russian Academy of Sciences
Russia, 199034, St. Petersburg, Makarov Emb., 4
Tel.: +7 (812) 328-19-01
✉ *ninalvovna@mail.ru*